

разбивает свою книгу на канонические три отдела („Народное творчество“, „Культурная (sic!) музыка в России“ и „Церковная музыка в России“) и строит все изложение по „героям“-композиторам. Здесь появляются иногда отдельные характеристики, быть может и весьма верные, но все же слишком мало помогающие уяснить проблематическую зависимость между экономической базой и музыкой, как идеологиче-

ской надстройкой. Вся работа носит характер нарочитого пристегивания марксистского метода к истории музыки. В отдельных местах можно найти ценные мысли и положения, но в общем книга производит впечатление такого несерьезного и поверхностного труда, что странно видеть на нем подпись Л. Л. Сабанеева.

С. Гинзбург.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

◆ **Вольтер.** — Орлеанская Девственница. Поэма в двадцати одной песни. Перевод Г. Адамовича, Н. Гумилева, Г. Иванова, под редакцией М. Лозинского. Вступительная статья С. Мокульского. Том первый.

Москва—Ленинград. „Всемирная литература“. Государственное Издательство. МСМХХIV. Стр. LII+186. Тираж 5.150 экз.

Перевод „Девственницы“ запоздал на 150 лет, но в данном случае—лучше поздно, чем никогда. И в наши дни Вольтеровская поэма найдет своего читателя, не как „классическое произведение всемирной литературы“, не как „памятник“, а как произведение, не потерявшее своей актуальности. За истекшие полтора века не явилось другой подобной вещи, которая заслонила бы от нас „Девственницу“. Глубокое влияние, произведенное поэмой на позднейшую литературу, в том числе (а может быть, в особенности) на русскую, обеспечит ей почетное место в каждой библиотеке.

И вместе с тем—почтенный возраст поэмы чувствуется. Наиболее острая „вольтерьянская“ струя в ней рассчитана на современность и даже злободневность. Правда, явления, в ней осмеиваемые, не сдвинули своих позиций до наших дней: потому-то поэма и была под запретом полтора-два века. Но, так или иначе—много в поэме уже не может ясно воспри-

ниматься: бытовые черточки XVIII века забыты, не схватываются на лету. Отразилось это отчасти и на переводе. Выполнен он чрезвычайно тщательно, с попыткой соблюсти детали подлинника, напр., его рифмовку (в переводах Гумилева и Лозинского) и передать стих в стих, слово в слово. Но иногда эта словесная букввальность искажает смысл и, что досаднее—искажает бытовое значение укалов Вольтера. Так—раскрывая книгу на IV песне, мы сразу наталкиваемся на такие дефекты: ироническое „bel esprit“ передано „талантливый человек“, когда речь идет о краснобах, петиметрах, которым меценатствовали *fermiers-général* (последние переданы нейтральным „государственным человеком“). Здесь же читаем:

Будь я епископ несколько минут,
Я постарался б вслед за мо-
линистом
Договориться с грубым янсени-
стом.

Здесь осталась непонятной интерпретация Вольтера („... avec le moliniste d'apivoiser le rude janséniste“—„примирить молиниста с суровым янсенистом“), и опять искажен намек на бытовое явление—непримиримость и раздоры церковных партий.

Эти дефекты, случайно выбранные, не порочат перевода,—их бывает много во всяком стихотворном

переводе, но они показывают, что текст не вполне ясен теперь даже для переводчика. Отсюда следует заключить, что рядовой читатель — а для него написана „Девственница“ — еще меньше проникнет в текст, особенно сквозь неадекватный перевод. Произведение требует мелочного комментария. Меж тем в настоящем издании воспроизведены лишь примечания Вольтера, сами требующие пояснений, как исключительно иронические и полемические.

До известной степени восполняет отсутствие комментария вводная статья С. Мокульского, весьма точная и обстоятельная, дающая исторический и литературный анализ поэмы и излагающая ее историю и судьбу. Но как раз мелочно бытовой атмосферы XVIII века статья эта не дает, да пожалуй и невозможно иначе, чем в подтекстовых примечаниях, дать этот клубок анекдотов, сплетен, интриг и раздоров, которые служили материалом для намеков автора.

Так или иначе, „Всемирной Литературе“ надо быть благодарным за почин, вводящий в круг русской литературы величайший образец комической французской поэмы XVIII века. Жанр этот найдет отклик в современном читателе, и, может быть, не лишним было бы ознакомление и с другими образцами (так — очень легко издать „Вер-Вера“, существующего в хорошем переводе Курочкина, упоминаемом в статье С. Мокульского.)

Издана книга с исключительной роскошью — с книжными украшениями и с приложением 21 гравюры (правда, переданных фототипией). Все это делает книгу „любительской“. Не мешало бы это издание повторить в дешевой форме, памятуя то, что говорил автор поэмы о грошевых изданиях. „Девственница“ имеет право на проникновение в толщу читателей этих „грошевых“ изданий.

Б. Т.

◆ Аристофан. — Богатство (Плутос).

Комедия. Перевел размером подлинника Вл. Холмский. Ленинград. „Колос“. 1924. Стр. 119.

Изо всех античных писателей внимание наших переводчиков направлено на одного Аристофана: за последние два-три года появляется перевод уже четвертой его комедии. Не вдаваясь в анализ причин этого явления, отметим только, что вряд ли переводчик ошибается, утверждая, что эта комедия Аристофана — единственная, которую мы можем воспринимать непосредственно. Между эпохой написания ее и нашими днями столько общего, столько вопросов, волновавших автора, являются вопросами наших дней, что своевременность ее появления защищать не приходится.

Не будь этого, быть может для ознакомления русского читателя с Аристофаном можно было бы выбрать другую комедию. „Плутос“, последняя из поставленных Аристофаном комедий, во многом уступает предыдущим его вещам. Всего интереснее в этой аристофановской комедии то, что она является своего рода переходом к так называемой „средней“ комедии, но в ней нет ни театрального задора, ни общественно-политической остроты других пьес Аристофана.

Перевод верно передает не только текст комедии, но и ее ритм, и целый ряд комических приемов Аристофана, словесных трюков и т. д.

Очень трудная задача стояла перед переводчиком, когда ему пришлось персонифицировать Богатство в мужском лице, как это дано Аристофаном, и с этой задачей переводчик не справился: у него на каждой странице звучит режущее ухо читателя „слепой Богатство“, „Богатство стал“, „любимейший Богатство“ и т. д. Но и этой формы переводчик не выдержал до конца, и кое-где попадаются у него отступления: „стало зрячим вновь Богатство“ (стр. 107).

Все эти замечания приходится сделать потому, что Аристофана хотелось бы видеть не в хорошем, а в безукоризненном переводе.

Д. Выгодский.